

Михаил Палев

Серебряный ятаган пирата

Артефакт & Детектив

Михаил Палев

Серебряный ятаган пирата

«Палев Михаил»

2010

Палев М.

Серебряный ятаган пирата / М. Палев — «Палев Михаил»,
2010 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-39810-2

Знаменитые пираты братья Барбаросса и их сподвижник Драгут славились своей жестокостью, а также сумасшедшим везением, не поддающимся никаким логическим объяснениям. Как утверждает древняя рукопись «Хроники Драгута», пираты по очереди владели артефактом – ятаганом, дарующим своему владельцу неслыханную удачу... Ятаган давно утерян, и найти его невозможно. Или все-таки такая вероятность есть? Ведь с чем же еще, как не с ятаганом, связано исчезновение исследователя «Хроник Драгута» историка Игоря Русанова? Частный детектив Тавров едет на Мальту: именно там находится таинственный артефакт, чья судьба тесно связана с судьбой Мальтийского ордена...

ISBN 978-5-699-39810-2

© Палев М., 2010
© Палев Михаил, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Серебряный ятаган пирата

Артефакт-детектив

Михаил Палев

Посвящаю Елене Гнитиевой

*Автор выражает глубокую признательность
создателям сайта maltavista.ru,
а также владельцу рабатского кафе Джонни,
великодушно превратившему сиесту ради того,
чтобы накормить и напоить
голодного автора этих строк.*

Глава 1

Есть две вещи, которые культурный человек – или по меньшей мере полагающий себя таковым – должен непременно делать при посещении театра: отключать мобильный телефон и не приносить с собой спиртное.

В тот день, когда мы с моей дражайшей половиной впервые за последние полгода выбрались в театр, я нарушил оба правила. И если неотключение мобильного телефона я с чистой совестью могу отнести на счет свойственной творческим людям забывчивости, то пронос спиртного в храм Мельпомены носил откровенно предумышленный характер.

Дело в том, что бывают пьесы любимые и нелюбимые. Пьеса, на которую мы пошли в тот день, относилась к категории не то чтобы нелюбимых, но, скажем так: не очень любимых. Почему же я все-таки пошел? Одну из главных ролей в пьесе исполнял мой любимый актер. Даже не просто любимый, а любимый с детства. И потому в тот день я оказался в одном из известных московских театров. Не буду уточнять, в каком именно: Москва, невзирая на наличие другой общепризнанной «культурной столицы России», безусловно лидирует по количеству известных театров и числу известных актеров. А потому случившееся со мной могло произойти в любом другом театре.

К концу первого действия я несколько заскучал. А когда я скучаю, то начинаю покашливать: вполне извинительно для заядлого курильщика, мужественно борющегося с пагубной привычкой. Я так понимаю, что покашливание является всего лишь реакцией организма: дескать, чего тут париться, пойдем покурим. Предвидя подобный эффект на не самой лучшей пьесе не самого лучшего автора, я перед походом в театр купил бутылочку холодного чая. Какой именно был чай, уточнять не буду, чтобы никто не подумал, что я занимаюсь скрытой рекламой. И чтобы никто не подумал, что я плохо отношусь к рекламе как к явлению, добавлю: никто не предлагал мне рекламировать именно эту марку чая. Это я адресую потенциальным рекламодателям скрытой рекламы. Так вот: купив бутылочку холодного чая емкостью в половину литра, я зашел в туалет, вылил содержимое в умывальник и заполнил ее ровно наполовину коньяком. Коньяк, разумеется, не Хэннесси, но какой именно, тоже уточнять не буду: пусть, блин, сначала заплатят за рекламу! Бутылочку я положил в планшет и счел себя вполне готовым к восприятию скучной пьесы.

Итак, ближе к концу первого действия я начал покашливать, вызывая возмущенные взгляды как моей половины, так и сидящих рядом театралов. Особенно близко к сердцу мои покашливания воспринял сидевший позади меня театрал, одетый в гавайскую рубашу и шорты.

Он положил мне руку на плечо и, обдав меня густым запахом добротного нефilterованного пива, громогласно посоветовал:

– Ты бы сначала бронхит вылечил, а потом уж по театрам шлся!

– Прощу прощения! Я просто вовремя не принял лекарство, но сейчас немедленно приму, – пообещал я и щелкнул замком планшета, извлекая бутылочку. Но едва я сделал щедрый глоток «лекарства», как зазвонил мобильник в кармане моего пиджака.

На звонки не занесенных в список абонентов у меня стоит бессмертный хит «Холодный пот» в исполнении группы «Тин Лиззи». С учетом отменного динамика моего «Эрика» ударные аккорды гитариста произвели должный эффект: не только перестали ворчать окрестные театралы, но даже любимый актер моего детства посреди прочувственного монолога сделал паузу и укоризненно взглянул в мою сторону. Я поднялся с места, сокрушенно разводя руками и, естественно, роняя с колен пластиковую бутылочку. Та почти беззвучно упала на ковровое покрытие и принялась радостно выплескивать свое содержимое. Я, страшась встретиться взглядом с супругой, понесся к выходу из зала. «Тин Лиззи» тем временем добавили к энергичной гитаре не менее энергичную партию ударных, к которым потом присоединился по определению энергичный вокалист. Под начальную фразу песни:

I put my money in the suitcase
And headed for the big race
I felt a chill on my backbone
As I hung up the telephone —

я достиг наконец двери и с облегчением нажал кнопку ответа. «Тин Лиззи» немедленно закончили выступление и вместо забойного хард-рока я услышал женский голос:

– Слава! Слава богу! Хоть до тебя я дозвонилась!

Я не сразу узнал голос. Но звонившая сама не замедлила представиться.

– Слава, ты меня слышишь? Это Евгения Павловна! Мама Игоря Русанова.

– Добрый вечер, Евгения Павловна! – поздоровался я, переводя дух. Теперь хоть понятно, кто звонит. – Как поживаете?

– Какая жизнь может быть, Слава?! Разве я тебе звонила бы, если бы была жизнь? Я уже неделю не сплю, места себе не нахожу! Игорь пропал!

И Евгения Павловна разразилась рыданиями, которые с трудом сдерживала до сих пор.

– Как пропал?! – удивился я. – Может, он в командировку уехал и забыл предупредить? Или к женщине махнул неожиданно... ведь бывает так у мужиков!

– Он уже три дня не звонит мне! – прорыдала Евгения Павловна.

– Значит, точно женщина! – с вершин жизненного опыта определил я. – Остается только позавидовать!

– Кому?! – спросила ошеломленная Евгения Павловна, на несколько секунд прерывая рыдания.

– Это в смысле... Может быть, там связь плохая! – опомнился я. – Есть у нас еще места, которые всеохватывающий технический прогресс пока не может охватить.

– Что ты говоришь, Слава?! – зарыдала Евгения Павловна с утроенной силой. – Ты не знаешь ничего!

Такой разговор можно продолжать до тех пор, пока либо меня, либо собеседницу не хватит удар. Поэтому я принял единственно разумное в сложившейся ситуации решение и предложил:

– Евгения Павловна! Давайте я немедленно приеду к вам, и мы вместе во всем разберемся. Договорились?

– Да, Славочка, да! – обрадовалась Евгения Павловна. – Приезжай! А то я уж совсем не знаю, что делать. Приезжай, я жду!

Я с облегчением дал отбой и тут призадумался. Легко сказать, приезжай! А сколько сейчас? Девять вечера? Ну время в принципе детское... Но как это объяснить супруге? «Дорогая, досматривай этот замечательный спектакль, а мне срочно надо отъехать... Чтобы я не переживал, возьми нормальное такси, а не этих подозрительных бомбил... Куда отъехать? К одной женщине». Нормально получается!

Я достал сигарету, но вовремя вспомнил, что в фойе курить нельзя, и отправился в туалет. Там тоже нельзя было курить, но не выходить же в одном костюме на улицу, где холодно и льет дождь?! Тем более что к коньяку я практически не притронулся и потому источников внутреннего тепла не имелось.

Запершись для конспирации в кабинке, я пускал струи дыма в решетку вентиляции и размышлял. Итак, Игорь Русанов. Его мать сказала, что он исчез и от него уже неделю нет вестей. А что я знаю об Игоре Русанове? Честно говоря, немного.

С Игорем Русановым я познакомился пару лет назад на каком-то форуме. Он произвел на меня приятное впечатление своими познаниями в области истории. Впрочем, это было неудивительно: Игорь оказался кандидатом исторических наук, преподавал на истфаке МГУ и, по его словам, самозабвенно любил историческую науку. Я не сомневался в истинности его слов: только самозабвенно любящий науку человек может по достижении тридцати лет жить в крохотной «двушке» вместе с мамой и слюнявой мопсихой, полагая это абсолютно нормальным.

Мы, как это принято в наш информационный век среди единомышленников, несколько раз встречались в реале для обсуждения в узкой компании актуальных исторических вопросов, причем пару раз я поддался на уговоры отужинать у Игоря дома, где и имел честь познакомиться с его мамой Евгенией Павловной и одышечной мопсихой Алисой. Последний раз мы перезванивались месяца три назад. Что же с ним могло случиться? Я был уверен, что так называемому исчезновению тридцатилетнего холостого мужчины найдется вполне прозаическое объяснение и через несколько дней он предстанет перед очами своей чрезмерно заботливой мамашы с букетом цветов в руках и глубоким раскаянием на лице. Но ехать к нему домой выслушивать и утешать Евгению Павловну все-таки придется!

Но как необходимость и срочность этой поездки донести до моей половины?

Тем временем первое действие закончилось, и, выходя из туалета, я столкнулся с потоком бегущих к буфету изголодавшихся по материальной пище страдалцев. Некоторые уже явно успели «употребить» нелегально и теперь жаждали «догнаться» в буфете: хоть и по сумасшедшим ценам, но вполне легитимно, как и приличествует культурным людям. Кстати, такой тяги к алкогольному допингу в кинотеатрах не наблюдается. Почему? Возможно, что театральные образы более сложны для понимания, чем кинематографические, и сознанию зрителя для лучшего осмысления увиденного необходим надежный, проверенный временем посредник.

К тому времени, как в фойе появилась обеспокоенная моим долгим отсутствием супруга, я уже продумал речь.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила жена. – Большая неприятность? Это насчет кредита, да? Так и знала, что не стоило нам его брать! Ведь я тебе говорила...

– Нет, дорогая, это не насчет кредита! – прервал я развитие нежелательной темы. – Тут все гораздо серьезнее: пропал Игорь Русанов. Ну тот историк, что однажды был у нас в гостях... Помнишь?

– А-а, всего-то... – облегченно вздохнула супруга. Не подумайте, что она такое уж бессердечное существо, но в борьбе за семейный покой женщины бывают иногда циничны. – Давно пропал?

– Его мать утверждает, что три дня от него нет вестей.

– Три дня! – фыркнула жена. – А ты помнишь, как поехал к Артему попариться в баньке и пропал на неделю?

– Дорогая, как можно сравнивать?! – не смог я удержаться от энергичного протеста. – Там сложились исключительные обстоятельства! Ты же помнишь, что...

– Хватит! Даже вспоминать не хочу! – решительно прервала меня супруга, нахмурившись от неприятных воспоминаний. – Слава богу, что дачу Артема спалили и он до сих пор не построил новую!

Я не стал напоминать, что сгорел только дом, а баня как раз осталась цела. Есть пять вещей, которые не стоит лишний раз упоминать в присутствии супруги: маму, сотрудниц по работе, баню, рыбалку и холостых приятелей. Кроме того, я стал испытывать резкое отвращение к баням вообще с тех пор, как два года назад меня чуть не пристрелили в пресловутой бане Артема, после чего я чуть не получил воспаление легких, лежа в октябрьской ледяной грязи под обстрелом.

– Я тоже думаю, что все не так серьезно, – перешел я к решающей стадии разговора. – Но его мать на грани нервного срыва. Мне придется срочно поехать к ней, чтобы узнать детали, попытаться успокоить ее... Да и давление померить не мешает: вдруг у нее гипертонический криз, а в отсутствие сына ей даже помочь некому!

Жена пристально взглянула на меня.

– Значит, я останусь здесь одна? – прозвучал вопрос, насколько риторический, настолько и угрожающий.

– Если с Евгенией Павловной что-то случится, то я себе этого никогда не прощу! – несколько пафосно, но абсолютно искренне заявил я. Моя искренность не скрылась от жены, и она немедленно озвучила свое решение:

– Хорошо! Езжай. Но будь на связи и, как только сможешь покинуть свою Евгению Павловну, немедленно поезжай домой! Деньги на такси есть?

Это только так считается, что натуральные блондинки с огромными голубыми глазами по определению непроходимые дуры. Обычно они довольно умны и сверхъестественно проницательны. Во всяком случае, мой опыт – а я с детства обожаю блондинок, причем повадки одной из них плодотворно изучаю вот уже двадцать лет, – подсказывает мне, что на самом деле слухи о тупости блондинок распространяют сами блондинки с целью облегчить себе жизнь и подчинить своей воле доверчивых мужчин. Блондинки прикидываются глупыми так же успешно, как жители Балтии и мой домашний кот притворяются, что не понимают русский язык.

Выдав мне тысячу рублей на такси, супруга удалилась в сторону туалетной комнаты, а я устремился к выходу.

* * *

Спустя час я уже входил в квартиру Русановых. Евгения Павловна буквально бросилась ко мне на шею, и даже обычно неприветливая мопсика Алиса не стала с подозрением меня обнюхивать, а лишь осталась печально сидеть посреди коридора. Мы прошли на кухню, где Евгения Павловна уже заварила чай. Я не стал отказываться от чая и печенья – хотя терпеть не могу печенье в любых видах – и тут же предложил перейти к делу:

– Евгения Павловна! Расскажите мне все сначала и со всеми подробностями. А потом мы уже сообразим, что надо делать. Не возражаете?

Возражений у Евгении Павловны не было. Присутствие спокойного и уверенного в себе сорокалетнего мужчины успокоило ее, и она смогла приступить к рассказу:

– Дней десять назад Игорь улетел на Мальту, как он сказал, в командировку. Он позвонил мне из аэропорта, уже с Мальты, сказал, что все хорошо, что он едет в гостиницу и звонить больше не будет, потому что роуминг дорогой. Но обещал, что позвонит, когда прилетит. Вер-

нуться должен был третьего дня. Я не знала, каким именно рейсом он летит, но когда Игорь не прилетел в назначенный день, я просто места себе найти не могла! Ведь если бы ему пришлось задержаться, то он обязательно позвонил бы!

– Вообще-то, случаи бывают разные... – попробовал я высказать свое мнение по данному вопросу, но не получил возможности реализовать свое намерение.

– За тридцать лет жизни у Игоря никогда не было таких случаев, – безапелляционно отрезала Евгения Павловна таким тоном, что у меня сразу отпала охота вставлять комментарии. Впрочем, в этом она права: у Игоря действительно не было НИКАКИХ случаев, иначе бы он давно уже при случае женился или хотя бы съехал подальше от неусыпного ока мамочки. Поставив меня на место, Евгения Павловна заботливо подлила в мою чашку чай и продолжила рассказ:

– Я вначале даже не знала, что делать и куда звонить. Потом позвонила к нему на кафедру, и сам лично завкафедрой сказал, что ни в какую командировку Игоря он не отправлял. Более того, Игорь взял две недели в счет своего очередного отпуска.

– Вот видите! – оживился я. – Две недели! Значит...

– Ничего это не значит! – снова оборвала меня Евгения Павловна. – Как раз позавчера отпуск закончился. Игорь перед отъездом почти неделю провел в Москве, уже находясь в отпуске. А я ни о чем не догадывалась! Как он мог так поступить?!

Евгения Павловна всхлипнула, но я на этот раз решил промолчать и лишь отхлебнул чай. Чай был без сахара и со странным вкусом распаренного веника: такой вкус имел грузинский чай, пачками с которым были завалены полки советских магазинов, – в пачках обычно находилось немного черных сухих чаинок, перемешанных с мелкой черной пылью и щепочками. Когда мне приходилось бывать в Грузии, то там меня угощали совсем другим, ароматнейшим и вкуснейшим чаем: я подозреваю, что использованные чаинки хитрые грузинские хозяйственники высушивали, добавляли отходов древесной промышленности и отправляли в «закрома многонациональной Родины». Аналогично дела обстояли с грузинским вином и табаком: в Грузии пили отличное местное вино и курили великолепный местный табак, но вот что грузины отправляли за Кавказский хребет, можно было только догадываться – наверное, как признался в свое время небезызвестный господин Окруашвили, «фекальные массы». Высушенные – под видом табака, а натуральные – под видом вина. Впрочем, кому интересны подробности, пусть сам спросит у Окруашвили.

От воспоминаний детства и юности меня отвлекла Евгения Павловна, наконец нашедшая в себе силы вернуться к рассказу.

– Завкафедрой предположил, что Игорь хотел для своей работы подсобрать материалы на Мальте и потому решил совместить исследования с отпуском. Он рекомендовал мне найти туристическую фирму, через которую Игорь покупал авиабилеты и бронировал отель.

– А виза? – осмелился напомнить я. – В страны Евросоюза нужно оформлять визу.

– У Игоря был Шенген, – пояснила Евгения Павловна. – Он периодически по приглашению зарубежных исследовательских центров ездит в Европу для консультаций. Не знаю уж зачем.

– Но если у него Шенген, то ему не обязательно было пользоваться услугами турфирмы, – заметил я. – На Мальту есть регулярные рейсы из Москвы, так что купил себе билет через представительство авиакомпании – и вперед!

– Возможно, ты и прав, Слава, – ответила Евгения Павловна, – но я этого не знала. И слава богу! Потому что принялась немедленно искать договор с турфирмой и быстро нашла его в верхнем ящике письменного стола. Вот он!

Евгения Павловна достала из шкафчика прозрачный файл с несколькими листками бумаги и протянула мне. Я изучил договор. Да, действительно, в воскресенье шестого сентября этого года Игорь вылетел рейсом «Эйр Мальта» KM561 и тринадцатого сентября должен

был вернуться рейсом КМ560. Таким образом, на Мальте Игорь должен был провести неделю: именно на такой срок для него был забронирован номер 405 в апароттеле «115 Strand» города Слима.

– В турфирме мне сказали, что их ответственность за клиента начинается с момента посадки клиента в аэропорту Москвы и оканчивается в момент трансфера клиента в аэропорт Мальты, – возмущенно пожаловалась Евгения Павловна. – Поскольку перелет осуществляется регулярным рейсом, то за все задержки рейса и прочие проблемы в аэропорту ответственность несет компания «Эйр Мальта». Дескать, это черным по белому написано в договоре. И даже отказались подтвердить, сел Игорь в самолет, вылетающий с Мальты, или нет!

– Действительно безобразие! – поддакнул я и немедленно предложил: – Давайте сделаем так, Евгения Павловна! Я завтра же свяжусь со знакомым частным детективом. Это опытный человек, он наверняка знает, что надо делать в подобных случаях.

– Спасибо, Слава! Что бы я без тебя делала?! – растрогалась Евгения Павловна.

Я произнес еще несколько утешающих фраз, глянул на стенные часы и заторопился домой. Еще минут десять ушло на прощание, и когда я наконец выскочил на улицу, был уже первый час ночи. Мчаться в метро было уже бессмысленно, и я сразу поймал древнюю «шестерку» с бомбилей за рулем. Бомбила, мужчина средних лет кавказского типа, выглядел так, словно не спал неделю. Похоже, что он, не смыкая глаз, сутками носился по Москве: то ли по причине наличия требующей непрерывного прокорма большой семьи, то ли просто боялся выключить двигатель своей ржавой «шестерки» из опасения, что ее больше никогда не удастся завести. Мне удалось сторговаться за пятьсот, и уже через сорок минут я был дома.

Кот вышел меня встречать и долго с нескрываемым подозрением обнюхивал мои брюки.

– Чего это он? – удивилась жена.

– Наверное, запах Алиски почувствовал, – опрометчиво предположил я.

– Какой такой Алиски? – с подозрением уставилась на меня супруга.

– Собака у Русановых, мопсика, Алиской зовут, – поспешил объяснить я.

– Ага, – кивнула жена, принимая мои объяснения, но все же украдкой понюхала мою рубашку в поисках посторонних парфюмерных ароматов.

Поскольку Евгения Павловна не догадалась угостить меня ужином, я прошел на кухню и с жадностью набросился на еду. Прожевывая пищу, я поведал супруге все, о чем узнал во время визита в дом Русановых.

– Ты думаешь, что это действительно серьезно? – спросила жена.

Я пожал плечами и зевнул. Утро вечера мудренее!

* * *

Следующим утром сразу после завтрака я нашел в мобильном телефоне номер пресловутого детектива. К сожалению, в списке контактов он значился просто как «детектив». Поскольку познакомились мы с ним почти два года назад, за это время его фамилия, а также имя и отчество совершенно вылетели из головы. Пытаясь освежить память методом ассоциаций, я припомнил, что у него была короткая фамилия, связанная с клеймом. И имя-отчество тоже простые, что-то вроде Виталий Петрович. Ну да! Виталий Петрович Клеймов.

Я нажал на кнопку вызова, и почти сразу ответил показавшийся мне недовольным мужской голос:

– Слушаю!

– Господин Клеймов? – осведомился я.

– Ошиблись, – буркнул в ответ детектив и дал отбой.

Так, значит, не Клеймов! Мне казалось неудобным напоминать о знакомстве человеку, которого я не смог вспомнить даже по фамилии. И тут я сообразил, что при первой встрече он дал мне свою визитку. Надо ее разыскать!

Поскольку визитницей я так и не обзавелся, то поиски заняли довольно много времени. Есть железный закон: если вещь не нашлась в течение пяти минут, то дальше ее искать уже бессмысленно и найтись она может только случайно. Тем не менее по истечении пяти минут я продолжил поиски, тихо бормоча проклятия. Когда спустя полчаса я уже отчаялся найти этот проклятый кусочек картона, в комнату вошла жена и вытряхнула с десятков визиток из вазочки для цветов.

– Неужели нельзя найти для мусора более подходящее место?! – возмутилась она.

Не ответив ей, я торопливо прошерстил стопку выпавших на стол картонных прямоугольников. Между визитками стоматолога и ресторанной сети «Кружка» я нашел искомое: «Тавров Валерий Иванович, частный детектив». Ассоциации все-таки не подвели: тавро – клеймо для скота. Я снова вызвал номер детектива, но он был недоступен. Тогда я набрал номер офиса, указанный на карточке. Мне ответил очень приятный женский голос:

– Детективное агентство.

Секретарей для работы на телефоне отбирают по не менее строгим критериям, нежели для работы в службах «секс по телефону». Голос секретаря – лицо фирмы, ибо зачастую именно он открывает первый контакт с клиентом. И часто именно от того, расположил к себе клиента голос секретаря или нет, зависит успех работы фирмы. У детективного агентства с голосом все было в порядке. Мелодичное звучание приятного девичьего голоса мгновенно настроило меня на лирический лад, и я самым сладким из имеющихся в моем наборе голосов произнес:

– Девушка! Извините, а как вас по имени?

– Да пошел ты! – прозвучал ответ. Секретарь швырнула трубку. Я не верил своим ушам. Нет, такого не может быть!

Я повторил вызов и сообщил прежним ласковым голосом:

– Девушка! Я всего лишь хотел узнать...

– Какого цвета у меня трусы? – снова перебила меня девица на том конце провода. – Так вот: если еще раз позвонишь, наши ребята тебя вычислят, и после этого ты год свои трусы без посторонней помощи снимать не сможешь. Понял, козел?!

И снова швырнула трубку. Н-да, тут может быть только два варианта: или мое ранее безотказное обаяние дало сбой, или меня приняли за кого-то другого. Я остановился на втором варианте как наименее болезненном для моего самолюбия. Мобильный телефон детектива Таврова по-прежнему был недоступен, и потому я решил, не теряя напрасно времени, отправиться в офис детективного агентства лично – благо адрес был обозначен на визитке. Я хорошо представлял себе этот район: по счастливому стечению обстоятельств прямо от моего дома туда шла маршрутка.

* * *

Офис детективного агентства находился на первом этаже обычного жилого дома. Я набрал номер квартиры, в которой размещался офис, и тут же раздался щелчок замка. Остановившись перед нужной дверью, я уже собрался позвонить в дверной звонок, но и тут замок услужливо щелкнул. Я отворил дверь и вошел внутрь.

Бывшая однокомнатная квартира, поделенная на две части. Коридор, часть комнаты и кусочек кухни были превращены в приемную, а за дверью, видимо, находился кабинет Таврова. За столом с компьютером, факсом и монитором видеонаблюдения – на котором одновременно отображались аж четыре картинки – сидела весьма симпатичная молодая женщина.

– Здравствуйте, э-э... – И я вопросительно взглянул на женщину.

– Катя, – подсказала она, вопросительно глядя на меня.

– А я Мечислав Булгарин, старинное русское имя и старинный польский род, – галантно представился я и тут же сурово осведомился:

– Что же вы, Катя, не спрашиваете по домофону, кто к вам пожаловал?

– Мой опыт подсказывает, что вы не киллер и не маньяк, – улыбнулась Катя.

– Жаль, что ваш опыт не подсказал вам этого час назад, – не удержался я от ехидного замечания. – Я позвонил с целью выяснить, на месте ли Валерий Иванович, а вы предложили мне узнать, какого цвета у вас трусы.

Катя вдруг зарделась пунцовым румянцем. Она была сообразительная девушка и сразу смекнула, в чем дело.

– Ой, извините! – воскликнула она. – К нам все утро звонил какой-то придурок. Он почему-то решил, что это телефон фирмы «секс по телефону». Вот вам из-за него и досталось!

– Неужели мой голос по телефону напоминает маньяка? – огорчился я.

– Да уж больно сладкий, – лукаво усмехнулась Катя и предложила: – Давайте я вам кофе сварю! А то шеф задерживается.

– Из ваших рук я с готовностью приму все, что угодно! – галантно заверил я.

Катя удалилась на кухню, отделенную от приемной перегородкой, и я услышал звук кофеварки. В этот момент раздался звонок в дверь. Я посмотрел на монитор видеонаблюдения. Туда выходили сигналы четырех камер: одна показывала двор справа от подъезда, другая – слева, а остальные показывали, что творится непосредственно перед дверью в офис. Судя по всему, одна была закреплена рядом с дверным глазком, а вторая – над дверью, поскольку на первой я видел человека в плаще, а на второй – его же обширную лысину.

– Мечислав, откройте, пожалуйста! – крикнула Катя с кухни.

Судя по всему, кнопка электронного замка находилась где-то на столе, но мне не удалось ее сразу обнаружить, и потому я прошел к двери и открыл замок без применения технических средств.

Человек за дверью, похоже, озяб: он придерживал у горла лацканы плаща, воротник был поднят. Увидев меня, он широко улыбнулся мне, словно старому знакомому: я даже подумал, что он сейчас полезет обниматься. Но человек сделал то, чего я никак не ожидал при всей своей наблюдательности, большом жизненном опыте и богатой фантазии писателя детективных романов.

Глава 2

Человек широко распахнул плащ, и я с удивлением обнаружил, что под плащом он практически голый. «Практически» означает то, что спереди его брюки заканчивались чуть ниже колен, – причем хитро закрепленные подтяжки не давали им упасть, – а дальше вплоть до сияющей физиономии шло совершенно голое тело с островками курчавой растительности и прочими ожидаемыми атрибутами.

– С головой все в порядке? – зачем-то спросил я, хотя и так было видно, что совсем не в порядке.

Улыбка сползла с лица жизнерадостного эксгибициониста: он запахнул плащ и обиженно заявил:

– Между прочим, я потенциальный клиент. И очень щедрый клиент. А вы мне хамите! Вы и грубая девка на вашем телефоне нахамила. Где ваш менеджер? Я буду жаловаться!

Я начал уже догадываться, что происходит, и поспешил подкрепить свою догадку уверенностью.

– Простите, а какого менеджера вам надо? – вкрадчиво осведомился я.

– Как какого?! – возмутился эксгибиционист. – Вашего! Вашей фирмы «Секс по телефону Плюс». Мне так вашу фирму разрекламировали, особенно этот Плюс, а вы устраиваете форменное хулиганство! Я буду жаловаться вашему руководству!

Однако! Как его кто-то жестоко разыграл! Ситуация анекдотическая, словно в комедийной пьесе. И хотя бы из любви к искусству пьесу следовало доиграть до конца!

Улыбнувшись широкой доброжелательной улыбкой – что было совсем не трудно, поскольку смех из меня уже рвался наружу, – я указал незадачливому сексуальному маньяку на дверь противоположной квартиры и сказал:

– Так вам туда, милейший! Именно там ваш вожделенный «большой плюс». А здесь находится частное детективное агентство.

– Да?! – разинул рот эксгибиционист. – Неужели детективное?! Ой, извините! Так мне туда?

– Туда, туда! – заверил я и захлопнул дверь, тут же прижавшись к дверному глазку в предвкушении удачной развязки. И не был обманут в ожиданиях: дверь открылась, повторилась сцена с распахиванием плаща, и через мгновение эксгибиционист полетел вверх тормашками от хорошего удара в скулу. Вышедший из квартиры напротив мрачный всклокоченный мужик в майке и вытянутых на коленях трениках подхватил эксгибициониста за плащ и, словно мешок с мусором, поволок к выходу. Я метнулся к монитору видеонаблюдения, не желая пропустить финальную сцену, и чуть не сбил Катю, возвращавшуюся с кухни с двумя чашками дымящегося кофе.

– Что с вами, Мечислав? – изумилась Катя. – А кто приходил?

– Так... Ошиблись дверью, – пояснил я, с досадой заметив, что момент вылета из подъезда злосчастного эксгибициониста я таки пропустил. Я увидел лишь, как он, прихрамывая, торопливо удаляется от подъезда.

Входная дверь в офис открылась.

– А вот и Валерий Иванович! – воскликнула Катя, увидев босса, и с беспокойством осведомилась:

– А что это вы такой невеселый? Случилось что?

– Да как сказать, Катюша, – проворчал Тавров, снимая куртку и вешая ее на вешалку. – Странная такая штука: захожу в наш подъезд, а оттуда вылетает почти голый мужик.

– В плаще и обрезанных сверху штанах? – уточнил я.

– А-а, так вы тоже видели? – повернулся ко мне Тавров. – Поразительно: почти голый человек ласточкой вылетает из двери, шлепается на тротуар, тут же вскакивает и убегает. К чему бы это?

– Ласточкой? К дождю, наверное, – предположил я. Катя прыснула.

Тавров мрачно посмотрел на нас и хотел что-то сказать, но в этот момент зазвонил телефон на столе у Кати. Катя поспешно схватила трубку, слушала буквально несколько секунд и тут же ответила:

– Даю хозяина.

И передала трубку Таврову. Тот, наверное, с минуту выслушивал неизвестного абонента, затем ответил мрачным, не терпящим возражений тоном:

– Я вас выслушал, и теперь выслушайте меня. По этому номеру телефона и адресу действительно находится детективное агентство. Относительно вашего случая могу сказать следующее: с вами сыграли дурную шутку, и я могу вам помочь подать в суд на шутников. Одного из них я уже разыскал, и в данный момент он сидит передо мной, полный раскаяния. Осталось разыскать инициатора шутки, и если вы хотите подключиться к его поискам, то приезжайте ко мне в офис по известному вам адресу для заключения договора. Нет, как вы выразились, имя «этого подонка» я смогу разгласить лишь после того, как мы найдем главного инициатора данной, с позволения сказать, шутки. Итак, вы приедете? Как пожелаете. Если все-таки надумаете, то не забудьте сегодня же или в крайнем случае завтра снять следы побоев у врача – иначе все теряет смысл. Что? Мне безразлично, в каком виде вы придете, но я обязательно об этом проинформирую суд. Что? Нет, иначе никак нельзя. Да, и вам не хворать. Всего хорошего!

Тавров положил трубку и сурово обратился к Кате:

– Екатерина! И как все это понимать?

– А что мне было делать, Валерий Иванович? – пошла в наступление Катя. – Звонит с утра придурок. Я ему говорю: это детективное агентство. А он мне: ага, понимаю, конспирируетесь. И спрашивает: надела ли я лифчик? Ну я и сказала ему, чтобы он отстал: приезжайте, рады вас видеть. Достал ведь своими звонками!!! Я подумала: приедет, я ему по этому самому и заеду, мало не покажется... Зря, что ли, я на курсы самообороны хожу?

– А он приехал, – добавил я. – Кто же знал, что он такой придурок. Катя кофе на кухне готовила, и я ему открыл дверь.

– А зачем вы ему сказали, что «Секс с плюсом» находится в квартире напротив? – требовательно спросил Тавров.

– Не смог удержаться, – признался я. – А что мне было делать? Мужик свои достоинства мне демонстрирует. А я не той ориентации! Ладно бы женщина: тут уж я бы знал, что делать. А мужик?! Ну и...

– В общем, ситуация такая, – подытожил Тавров. – Товарищ сексуально озабочен. Однажды он снял проститутку и то ли ей недоплатил, то ли еще что... короче, она дала ему адрес и телефон нашего агентства, сказала, что это фирма «Секс по телефону Плюс», а Плюс подразумевает воплощение всех его тайных желаний. Надо только экипироваться в соответствии с этими желаниями и приехать в офис. Вот он и приехал!

– Цирк! – не удержался я от комментария.

– В суд он подавать не будет, а то действительно был бы цирк, – заметил Тавров и тут же вернулся к действительности, обратившись ко мне:

– А вы, собственно, по какому вопросу?

* * *

В кабинете у Таврова я быстро и кратко изложил суть дела, не забыв упомянуть о нашем знакомстве. Это было очень важно: в России все делается по знакомству. А что не делается по знакомству, то делается по дружбе.

– Да, я помню: копия картины Жерома с изображением Ганнибала, – кивнул Тавров, не отрывая взгляд от компьютерного монитора. Это безразличие обидело меня, и я тут же добавил:

– Вот именно, Ганнибала. И что главное: не Лектора!

Тавров оторвал взгляд от монитора и воззрился на меня.

– В смысле: не Лектора? – нахмурившись, поинтересовался он.

– Кино такое было, – вздохнул я. Никто из встреченных мною сегодня почему-то не был готов для восприятия юмора.

– Да, помню, – кивнул Тавров. Он откинулся на спинку кресла, отъехал от монитора и произнес, глядя мне в глаза:

– Ну что я могу сказать... если ваш друг имел шенгенскую визу и взял авиабилет на Мальту «туда-обратно» с фиксированной датой вылета, то это означает, что он минимум один раз уже был на Мальте.

– Почему? – удивился я.

– Насколько я знаю, посетить зону Шенгенского соглашения можно, только первоначально въехав на территорию страны, выдавшей визу, – пояснил Тавров. – Есть, разумеется, понятие «транзит», но если человек сразу берет обратный авиабилет из той же страны, то подразумевается, что она является страной его визита. Короче говоря: прилететь по шенгенской визе на Мальту и через неделю улететь из нее ваш друг Русанов мог только в том случае, если шенгенскую визу он оформлял в мальтийском посольстве. Поскольку перед этой поездкой он визу не оформлял – иначе бы он делал это через турагентство, – то логично утверждать, что он уже бывал на Мальте.

– Резонно, – согласился я. – Только какое отношение это имеет к его исчезновению?

– Возможно, что и никакого, – вздохнул Тавров и тут же предложил: – Давайте наметим план действий, если вы уже готовы заключить с нами договор. Для начала нужно убедиться, что Русанов не въезжал на территорию России из другой страны. Допустим, у него изменились планы, он решил посетить другую страну из Шенгенской зоны и уже оттуда вернулся на Родину. Логично?

– Да, но тогда он вернулся бы домой или хотя бы связался со своей матерью! – возразил я.

– Сыновья не всегда бывают послушными, – улыбнувшись, заметил Тавров.

– Вы не знаете Евгению Павловну, – скептически отозвался я.

– Возможно, вы правы, но проверить нужно. Если подтвердится, что в Россию он не въезжал, то надо будет связаться с посольством на Мальте. Все это сделаю я. А вот вам хорошо бы лично побеседовать с заведующим кафедрой, на которой трудился Русанов, – предложил Тавров. – Если о Русанове придет узнавать обеспокоенный друг, а не частный детектив, то это поможет избежать сплетен и кривотолков.

– Да, я это сделаю завтра же, – с готовностью откликнулся я. – Но хотелось бы сначала узнать расценки на ваши услуги.

– То, что я вам перечислил, я включу в сумму консультации, – ответил Тавров. – Консультация обойдется вам в символическую сумму, а если мы продолжим сотрудничество, то и вообще бесплатно. Существенных расходов потребует организация наблюдения и использование технических средств, но пока это рано обсуждать.

– Хорошо, давайте в этом ключе и начнем, – согласился я.

А что, если Игорь действительно вдруг встретил «мечту всей своей жизни» и потерял голову от страсти? Сейчас оттягивается на курорте с милашкой, забыв про холодную Москву и занудливую мамашу. Или подвернулся выгодный клиент, щедро оплачивающий какой-нибудь «сертификат о подлинности», выданный надежным экспертом. Если верить его мамаше, завкафедрой высоко ценил Игоря как специалиста. А Московский университет – это учебное и научное заведение с мировой известностью! Ну а отказаться от услуг детектива по причине нехватки денежных средств никогда не поздно. Тавров опытный человек и имеет представление о пределах моих финансовых возможностей.

* * *

Я сообщил Евгении Павловне о начале розысков ее бесценного сыночка, чем несказанно ее обрадовал, и узнал у нее номер мобильного телефона завкафедрой. Звали его Сергей Петрович, и он с готовностью согласился со мной встретиться. Сергей Петрович оказался толстым добродушным дядькой, с которым мы пересеклись в кафе возле станции метро «Университет». В кафе не было жарко, но Сергей Петрович поминутно вытирал платком обширную лысину: видно, и без того у него забот был полон рот, а тут еще на голову свалилось исчезновение сотрудника.

– Игорь Владимирович должен был выйти на работу еще два дня назад, и если он задержится еще на неделю, то это может отразиться на учебном процессе, – пожаловался Сергей Петрович, пряча платок в нагрудный карман рубашки.

– А он не сказал, зачем так спешно собрался в отпуск? – спросил я.

– Я не интересовался, – признался Сергей Петрович. – Дело в том, что Игорь Владимирович, несмотря на молодость, достаточно известен в научном мире. Он великолепно умеет работать с архивами: случается, такие документы откапывает, что просто диву даешься! Я знаю, что иногда его привлекают в качестве эксперта, и когда ему надо уехать на несколько дней, то не возражаю. Людям надо создавать условия для работы, идти навстречу, тогда даже при невысокой зарплате не будет текучки.

– И часто он вот так уезжал по своим делам?

– Последний раз Русанов брал три дня в конце марта, – ответил Сергей Петрович, снова доставая платок и вытирая им лысину. – А до этого в декабре месяце. В общем, раза два-три в год обычно.

– А не помните, когда он перед этим ездил на Мальту?

– Ума не приложу, зачем ему понадобилось вообще ехать на Мальту, – пожал плечами Сергей Петрович. – Игорь занимался российской историей первой половины девятнадцатого века. Возможно, что он накопал что-то новое о взаимоотношениях российских властей и Мальтийского ордена. Но честно скажу: я не в курсе.

– Скажите, а кто может быть в курсе? – допытывался я. – Возможно, кто-то из его коллег по работе?

– Вообще-то, вы первый человек, который сообщил мне, что является другом Русанова, – признался Сергей Петрович. – Ни с кем он близко не сходил.

– А женщины? Все-таки мужчина он достаточно молодой, неженатый...

– Нет, ничего такого не замечал! – категорически отверг мое предположение Сергей Петрович.

– Ну а кто все-таки может быть в курсе: что именно могло заставить Игоря так внезапно уехать на Мальту? Кто может быть в курсе, что он действительно вдруг нарыл интересную информацию?

– Вы знаете, а пожалуй, есть такой человек! – воскликнул Сергей Петрович, припоминая. – В Ленинке... то есть в Российской государственной библиотеке, в отделе редких книг

и манускриптов у него есть хороший знакомый. Игорь несколько раз упоминал его, поскольку часто работал в этом отделе с источниками.

- Ага, хоть что-то! – обрадовался я. – И как его зовут, этого знакомого?
- Кавецкий Вениамин Аркадьевич.
- А телефончик его случайно не подскажете?
- Вот уж чего не знаю, того не знаю! – сокрушенно развел руками Сергей Петрович.

* * *

Я собрался было немедленно мчаться в библиотеку, чтобы искать этого Кавецкого, но вдруг заколебался: может, для начала надо посоветоваться с Тавровым? И подождать, пока Тавров наведет справки. А то вдруг Русанов уже в России, застрял у какого-нибудь приятеля... Приятели – они такие! Или внезапно в Игоре действительно проснулся дремавший доселе мужчина, и он окунулся очертя голову в омут любви? А мы тут его ищем, как дураки!

С другой стороны, библиотекарь Кавецкий внезапно может убыть на какую-нибудь конференцию, а потом в командировку, затем в отпуск... Есть такой жизненный закон: когда человек нужен больше всего, он внезапно начинает отгуливать не использованные за несколько лет отпуска и ложится в больницу на плановую операцию с последующим санаторно-курортным лечением.

Итак, решено: надо брать библиотекаря немедленно и встряхнуть все, что он может знать о поездке Русанова на Мальту.

* * *

Перед поездкой в РГБ я на сайте главной библиотеки страны ознакомился со структурой распределения книг по хранилищам, а также с разделом «контакты». По логике, Кавецкий должен был работать в научно-исследовательском отделе «Редкие книги» – именно в их ведении находилась коллекция старопечатных книг, изданных до 1830 года, и книжных памятников более позднего времени. А Русанов, по словам заведующего кафедрой, занимался историей России первой половины девятнадцатого века. Мне удалось дозвониться по указанному телефону, и я узнал, что в действительности Кавецкий является заведующим сектором отдела рукописей, поэтому его следует искать там. По телефону сектора я не дозвонился и, плюнув, поехал туда лично.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки располагался на первом этаже правого крыла Дома Пашкова. Я всю жизнь полагал, что центральный вход в Пашков дом находится со стороны, обращенной к Кремлю: с величественной лестницей и ротондой. Но этот вход был наглухо закрыт, а «центральный входом» оказалась арка во двор со стороны Стараваганьковского переулка. На центральном входе сидел охранник, который, как и следовало ожидать, отказался пропустить меня без пропуска. Он предложил мне позвонить по местному телефону тому лицу, к которому я направляюсь, чтобы упомянутое лицо заказало мне пропуск. Я так и собрался сделать, но вдруг увидел выходящую из здания женщину и обратился к ней:

- Прошу меня извинить! Подскажите, пожалуйста, а Кавецкий сейчас у себя?
- Кавецкий? – удивленно взметнула брови женщина. – Вениамин Аркадьевич? Да вон же он! Только что вышел.

Действительно, прямо перед женщиной из подъезда вышел плюгавый мужичонка в старомодном берете и старенькой китайской курточке из тех, которыми наши китайские братья по социализму наводнили страну в разгар «либерализации всего, чего только можно». Короче, по виду он скорее напоминал не заведующего сектором отдела рукописей главной библио-

теки страны, а слесаря-сантехника. Осознав свою ошибку, я торопливо поблагодарил даму и помчался следом за удалившимся на приличное расстояние обладателем антикварного берета. Он уже вышел в переулок и сворачивал на Знаменку. Опасаясь, что Кавецкий сядет в машину, я крикнул ему вслед:

– Вениамин Аркадьевич! Подождите!

Кавецкий услышал меня, остановился и удивленно обернулся. Я помахал ему рукой, ускоряя шаг.

– Мне надо с вами поговорить! – поторопился я объяснить ситуацию, видя некоторую настороженность во взгляде Кавецкого. – Я друг Игоря Русанова!

Я рассчитывал этой фразой расположить к себе Кавецкого, но тут последовало то, чего я от старичка-замухрышки совсем не ожидал: с неожиданной прытью Кавецкий бросился через Знаменку, ловко петляя между машинами. Я не решился повторить его подвиг и потому лишь сумел пронаблюдать, как он пробежал до конца Знаменки и скрылся во дворе за часовней Николая Чудотворца. Когда я достиг этого места, Кавецкого и след простыл.

Ничего не понимая, я в растерянности направился в сторону станции метро «Боровицкая». Поскольку разговор с Кавецким по причине его загадочного бегства не состоялся, я позвонил Таврову, чтобы посоветоваться с ним о дальнейших действиях и узнать, есть ли какие-нибудь результаты по теме нашего вчерашнего разговора.

Тавров ответил сразу, и я, осведомившись, удобно ли ему говорить, поведал о результатах беседы с завкафедрой и о подозрительном поведении Кавецкого.

– Я уверен, что Кавецкий как-то причастен к исчезновению Русанова! – убежденно заявил я. – Надо установить за ним наблюдение. Я готов оплатить эту услугу!

Однако Тавров неожиданно скептически отнесся к моему заявлению.

– Вы, Мечислав, не доставайте Кавецкого, а то его от испуга еще инфаркт хватит, – посоветовал Тавров. – Лучше мы вместе к нему подъедем.

– А он захочет с нами встретиться? – усомнился я.

– Можете не сомневаться! – уверенно заявил Тавров.

У меня сложилось впечатление, что о Кавецком он знает гораздо больше, чем говорит, но я не стал требовать разъяснений: мобильные тарифы все-таки недешевы.

– А что там о Русанове нового? – спросил я.

– В Россию он не въезжал, на самолетах авиакомпании «Эйр Мальта» с Мальты не вылетал, – сухо поведал Тавров. – Пока все.

– Может, нам его в международный розыск подать? – поделился я соображениями. Ответ Таврова поверг меня в настоящий шок.

– Об этом не беспокойтесь, он уже находится в розыске по линии Интерпола, – спокойно сообщил Тавров. – Игорь Владимирович Русанов уже дней пять разыскивается за совершение кражи уникального манускрипта.

Глава 3

Я был настолько потрясен, что не мог найти слов. Игорь Русанов вор?! Нет, я, наверное, ослышался!

– И есть доказательства его вины? – спросил я, наконец обретя дар речи.

– Вы полагаете, что Интерполу больше нечем заняться? – насмешливо поинтересовался Тавров. – Пока все сходится на вашем друге. А владелец манускрипта сообщил, что ему некий незнакомец предлагал за артефакт полмиллиона долларов.

– Все равно не верю! – заявил я. – Пока не узнаю подробности, говорить даже на эту тему не хочу.

– Тогда оставайтесь на связи, – посоветовал Тавров. – Попытаюсь сегодня же организовать встречу с людьми, которые и расскажут вам эти самые подробности.

– Вы уж постарайтесь, а то после таких новостей мне сегодня точно не уснуть, – проворчал я.

* * *

Примерно через час Тавров позвонил мне и сказал:

– Мечислав! Через часок подъезжайте к Дому Пашкова. Там для вас заказан пропуск. Кавецкий согласился встретиться с нами. Сможете быть?

– Непременно! – заверил я.

Точно в назначенное время я вошел в уже знакомую арку с будкой на входе. Там меня уже ожидал Тавров. Мы получили пропуска и прошли в кабинет Кавецкого. В тесном, уставленном книжными шкапами помещении, куда с трудом втиснули письменный стол и четыре стула, уже сидели два человека: один из них, мужчина лет тридцати, был мне незнаком, зато во втором я без труда узнал Кавецкого.

– Следователь прокуратуры Стрельцов, – представился незнакомый мужчина.

После взаимного представления мы расположились напротив письменного стола, за которым восседал Кавецкий. Впрочем, слово «восседал» не совсем подходит: Кавецкий просто сидел на стуле, на своем рабочем месте за письменным столом, но было похоже, что это мы его вызвали на допрос – таким затравленным он выглядел.

– Что же вы, Вениамин Аркадьевич, сегодня спасались бегством от уважаемого господина Булгарина? – с едва заметной иронией поинтересовался Тавров.

– А что же мне оставалось делать? – нервно отозвался Кавецкий, беспокойно заерзав на стуле. – Он сказал, что друг Русанова. А Русанов... сами понимаете, в розыске по обвинению в хищении ценнейшей, уникальной рукописи! И я... Я элементарно испугался!

– У меня такая уголовная рожа? – осведомился я.

– Так, господа! – решительно сказал Стрельцов. – Давайте оставим взаимные колкости. У меня мало времени, а я хочу кое-что уточнить. Давайте, господин Кавецкий, вы расскажете о рукописи, как она исчезла и как случилось, что Русанов оказался в этом деле главным подозреваемым. Я понимаю, что вы это уже не раз рассказывали, но присутствующие здесь господа Тавров и Булгарин не в курсе. Поэтому я прошу вас еще раз рассказать все с самого начала. Может, еще какие подробности припомните.

– Да, конечно... – вздохнул Кавецкий, приступая к рассказу. – Началось с того, что к нам, в отдел рукописей, обратился некий Павел Сергеевич Цветков. Он рассказал, что его мать принадлежала к дворянскому роду Донауровых, который с конца восемнадцатого века исправно поставлял России чиновников: среди Донауровых были генералы, вице-губернаторы и даже

губернатор Санкт-Петербурга. Так вот: от умершей в конце двадцатого века тетки, сестры его матери, Цветков получил в наследство старенькую дачу в Малаховке. Дачка была ветхая, практически непригодная для проживания, но в силу ее местоположения – Малаховка все-таки – Цветкову стала поступать масса предложений, и он решил продать дачу, чтобы купить квартиру в Москве недавно женившемуся сыну.

– Слушайте, какое отношение Цветков имеет к Игорю Русанову?! – не выдержал я.

– Наберитесь терпения, господин Булгарин, – посоветовал Стрельцов. – А то господин Кавецкий собьется и забудет сказать что-нибудь очень важное. Продолжайте, Вениамин Аркадьевич!

– Да, так вот... Цветков решил разобрать старый хлам на даче: вдруг там попадется что-нибудь интересное. Кстати, там был великолепный буфет мореного дуба! В отличном состоянии и...

– Не отвлекайтесь, Вениамин Аркадьевич, – с мягким нажимом попросил Стрельцов.

– Да, извините... Так вот, Цветков искал также хранившийся у тетки семейный архив и под стопкой старых фотоальбомов обнаружил старинную шкатулку красного дерева. В шкатулке находились перевязанные розовой лентой старые письма, а под ними – рукопись в потертом кожаном переплете. Вот эта рукопись и оказалась ценнейшей находкой! Рукопись содержала текст на латыни, и Цветков обратился к нам. Это было подробное жизнеописание известных турецких корсаров братьев Барбаросса и Драгута! Причем самое ценное: писал современник этих выдающихся людей. Из текста следовало, что автор рукописи выполнял функции секретаря у самого Драгута!

И Кавецкий обвел нас горящим взглядом, словно призывая восхититься вместе с ним.

– А вы ничего не путаете? – осведомился Тавров. – Барбаросса вроде был немецкий король, предводитель крестоносцев. Он еще в речке потонул.

– Фридрих Первый Гогенштауфен был императором Священной Римской империи нации Тевтонцев, – недовольно заметил Кавецкий. – Говоря латинским языком: *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae*. Сами немцы ее именовали *Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*, что, по сути, то же самое. Империю основал в 962 году король восточных франков Оттон Первый как преемницу империи франков Карла Великого и Западной Римской империи. Просуществовала, между прочим, без малого семьсот пятьдесят лет.

– Тоже недотянули до «тысячелетнего рейха», – не удержался я от комментария. – Ну не везет немцам с «тысячелетними рейхами», хоть плачь!

Тавров свирепо посмотрел на меня и обратился к Кавецкому:

– Мы это поняли, Вениамин Аркадьевич! Вы нам лучше про турецких Барбароссов расскажите. Говорите, их двое было?

– Да, они были родные братья: Арудж и Хызыр, обычно называемый арабским именем Хайрадин. Иногда прозвище Барбаросса распространяют и на сына Хайрадина Хасана. Они жили на рубеже пятнадцатого и шестнадцатого веков, прославились своими подвигами в борьбе с мальтийскими рыцарями и имперским флотом. Для современных турок братья Барбаросса и Драгут до сих пор являются настоящими героями, точно так же, как для итальянцев национальный герой генуэзский мореплаватель, имперский адмирал Андреа Дориа. Кстати, Дориа воевал и с Барбароссами, и с Драгутом. А в честь Драгута – называемого турками Тургут – в Турции был назван город, который до сих пор носит название Тургутрейс, что означает «капитан Тургут».

Кавецкий собрался уже пуститься в увлекательный рассказ о подвигах турецких корсаров, но встретился со мной взглядом, запнулся и тут же вернулся к теме.

– Так вот... Драгут погиб при Великой осаде Мальты турецким флотом. Собственно, рукопись этим и заканчивается. Похоже, что его секретарь – а, судя по его искусному латинскому языку, он был из христианских ренегатов – тоже погиб вместе с Драгутом.

– Простите, христианских – чего? – не понял Тавров.

– Ренегатов, – пояснил Кавецкий. – В те времена так называли принявших ислам христиан. Лишь позднее ренегатами стали называть любых предателей.

– Спасибо, – кивнул Тавров. – И что же дальше?

– Видимо, рукопись нашли рыцари Мальтийского ордена и поместили в свой архив. Поскольку концовка рукописи дописана другим почерком, отсюда можно уверенно заключить, что автор рукописи погиб вместе с Драгутом.

– Но как же из архива мальтийских рыцарей рукопись могла попасть в Россию? – удивился я. В свете исчезновения Игоря Русанова упоминание Мальты меня насторожило.

– Как известно, в начале девятнадцатого века Мальту захватили войска Наполеона. Мальтийские рыцари без посторонней помощи не могли вернуть Мальту. Они сочли, что единственной силой, способной изгнать французов с Мальты, является Россия. Разумеется, англичанам с их мощным флотом и базой в Гибралтаре было это сделать проще, но рыцари справедливо сомневались, что англичане отвоюют Мальту для ордена, – и, как выяснилось, совсем не зря сомневались: англичане обосновались на Мальте почти на сто семьдесят лет. Поэтому мальтийские рыцари избрали своим гроссмейстером вместо фон Гомпеша, позорно сдавшего лучшую крепость мира без боя французам, российского императора Павла Первого. Франкофил и вольтерьянец, будущий император Александр Первый порицал своего отца за то, что тот втянул Россию в войну с Наполеоном из-за кучки скал в Средиземном море и звания гроссмейстера иоаннитов – непризнанного, кстати, целым рядом приоратов. Впрочем, как показала история, России все-таки пришлось воевать с Наполеоном, причем в гораздо менее выгодных условиях. А ведь могли разбить французского выскочку на чужой земле с куда меньшими издержками!

– Это наша привычка: все потерять, а потом героическими усилиями вернуть, – согласился я.

– Зато агрессия Наполеона против России не только смыла с Александра позор гнусного Тильзитского мира, но и выбила из его венценосной головы вольтерьяновскую дурь, – констатировал Кавецкий.

– Господа! Прошу не удаляться от темы! – воззвал Стрельцов, глянув на часы.

– Да, извините... Так вот, скорее всего, манускрипт попал в Россию вместе с орденскими регалиями, которые привез в Россию капитан-командор Мальтийского ордена граф Юлий Литта. После убийства Павла Первого Литта остался в России и даже выгодно женился на богатейшей женщине России Екатерине Скавронской, родственнице императрицы Екатерины Первой, жены императора Петра Великого. Ради этого брака римский папа даже снял с мальтийского рыцаря Литты обет безбрачия. Говорили, что падчерица Литты, Мария, графиня фон дер Пален, родила от графа Литты дочь Юлию, ставшую позднее графиней Самойловой. Мы вместе с Цветковым проследили его генеалогию и пришли к выводу, что шкатулку с семейной реликвией – уникальным манускриптом, который мы условно стали именовать «Хроника Драгута», – лично от Юлии Самойловой получил ее хороший знакомый, генеральный консул России в Париже Захарий Петрович Донауров. А уж от него шкатулка, как семейная реликвия, осталась в роду Донауровых и в итоге попала к тетке Цветкова, как последней представительнице рода Донауровых. Так что происхождение и подлинность уникальной рукописи сомнений не вызывают!

– Мы и не сомневаемся, Вениамин Аркадьевич! – нетерпеливо воскликнул Стрельцов. – Вы расскажите, каким образом семейная реликвия Цветкова оказалась у вас.

– Дело в том, что рукопись была не в лучшем состоянии, – объяснил Кавецкий. – Текст написан на бумаге, которая является достаточно хрупким материалом. Хотя именно то, что ее постоянно держали в деревянной шкатулке, помогло ей вообще не рассыпаться на куски. Цветков сказал мне, что к нему поступило анонимное обращение с просьбой продать рукопись

за полмиллиона американских долларов. Кроме того, по его утверждению, кто-то побывал у него дома и произвел тщательный, хотя и весьма аккуратный обыск.

– Если «аккуратный», то как же Цветков обнаружил сам факт проведения обыска? – усомнился я.

– Дело в том, что Цветков – отставной полковник Главного Разведывательного управления Генерального штаба, – пояснил Стрельцов. – Тридцать лет в разведке – это не шутка!

– Вопрос снят! – развел я руками. – Продолжайте, пожалуйста, Вениамин Аркадьевич!

– Цветков действительно очень предусмотрительный человек, – продолжил Кавецкий. – Он хранил шкатулку с рукописью в банке. Но вот откуда неизвестный покупатель узнал о существовании рукописи и о том, что она попала к Цветкову, – это действительно загадка!

– Позвольте! Но если покупатель сделал предложение Цветкову, то он должен был указать, как с ним связаться на случай, если Цветков решит продать рукопись, – заметил я.

– Конверт с предложением о продаже Цветкову подбросили в почтовый ящик, – пояснил Стрельцов. – Текст на конверте и письме выполнен при помощи лазерного принтера, отпечатков пальцев – кроме пальцев Цветкова – не обнаружено. В письме для связи был указан номер мобильного телефона, зарегистрированный на умершего два года назад человека. Так что на загадочного покупателя выйти не удалось. Рассказывайте, что было дальше, Вениамин Аркадьевич!

– Цветков сказал, что желает передать рукопись в Российскую государственную библиотеку. Мы оформили этот дар надлежащим образом. Но прежде чем принять ее в наш фонд на хранение, было принято решение отреставрировать и законсервировать рукопись. Ведь мы не музей, а библиотека и должны предоставлять возможность людям науки работать с подлинниками! В качестве исполнителя работ определили всемирно известный ГосНИИР. Этот институт разработал уникальные технологии реставрации и консервации рукописей, выполненных как на бумаге, так и на пергаменте. Но дело в том, что у них много заказов, поэтому работу с «Хроникой Драгута» ГосНИИР внес в план на август месяц этого года. До отправки рукописи в ГосНИИР она должна была храниться в нашем отделе. И я... каюсь! Я имел неосторожность сказать об этом Игорю Русанову!

Кавецкий дернул кадыком, достал из-под стола бутылку с минеральной водой и налил себе в стакан. Жадно выпив, он опомнился и предложил воду присутствующим, но все отказались. Что до меня, то мне тоже хотелось пить, но – как сказал мудрый Омар Хайям – «вода не утоляет жажды, я как-то пил ее однажды». Лучше потом выпью холодного живительного нефilterованного пива.

– Игорь, услышав об этом, пришел в неопишное возбуждение. Он просил меня дать ему возможность переснять рукопись, уверяя, что она восполняет пробел в его исследованиях. А я... как его друг, я не мог ему отказать!

Кавецкий нервно выпил еще стакан воды и продолжил:

– Игорь принес аппаратуру – фотоаппарат, осветители на штативах – и переснял содержимое рукописи. Потом я уложил рукопись в шкатулку. Вообще, для хранения редких экземпляров мы используем специальные коробки из особого бескислотного картона. Но их мало, они стоят очень дорого, и я решил, что шкатулка красного дерева, в которой рукопись хранилась почти четыреста пятьдесят лет, будет ничем не хуже. Я запер рукопись в шкатулке, поставил ее в шкаф и ушел. А Игорь остался: он укладывал оборудование в сумку. А когда пришло время отправлять рукопись в ГосНИИР, я не смог открыть шкатулку: заклинило замок. Я вызвал слесаря, тот вскрыл шкатулку и...

Кавецкий налил еще воды в стакан, жадно выпил и, вытирая платком проступивший на лице пот, хрипло проговорил:

– Удивляюсь, как меня тогда кондрашка не хватил! В шкатулке вместо уникальной рукописи лежал старый справочник «Желтые страницы». Я немедленно позвонил Игорю домой, но его мать сказала, что три дня назад он улетел на Мальту. Вот так! Только шкатулка и осталась...

– Вениамин Аркадьевич, покажите нам эту шкатулку, – предложил Стрельцов.

Кавецкий открыл дверцу стоявшего рядом с ним шкафа и извлек оттуда деревянную шкатулку. Красного дерева, размером примерно пятьдесят на тридцать сантиметров и сантиметров десять в высоту, покрыта резьбой и инкрустацией деревом разных пород.

– Вот здесь она и хранилась почти четыреста пятьдесят лет.

Я увидел в шкатулке изящно оформленную прорезь замка и спросил:

– А ключ? Где хранился ключ?

– А там же, в потайном отделении шкатулки, – пояснил Стрельцов и попросил: – Вениамин Аркадьевич, покажите!

Кавецкий надавил пальцем на один из кусочков инкрустации, из боковой поверхности шкатулки в районе дна выехал маленький ящичек – словно лоток под диск в компьютере. На дне коробочки лежал небольшой бронзовый ключ.

– Цветков нашел этот потайной ящичек с ключом и показал мне, – пояснил Кавецкий.

– А Игорь знал, как открывается потайное отделение с ключом? – спросил я, заранее зная ответ.

– Разумеется! – ответил Кавецкий. – Я при нем открывал эту шкатулку.

– А почему замок вдруг заклинило? Выяснили это? – поинтересовался Тавров.

– Несколько капель цианакрилатного клея в замочную скважину и – вуаля! – объяснил Стрельцов. – В каждом хозяйственном магазине продается.

– Отпечатки? – коротко спросил Тавров.

– Из свежих, внутри и снаружи шкатулки – только Цветкова, Кавецкого и Русанова, – отозвался Стрельцов.

– А откуда у вас образцы отпечатков пальцев Игоря Русанова, если он исчез до того, как все обнаружилось? – с подозрением поинтересовался я.

– Из личных вещей Русанова, – пояснил Стрельцов.

– Вы проводили обыск у него на квартире? – немедленно спросил Тавров.

– Нет, – ответил Стрельцов. – Его личные вещи нам передал завкафедрой, где работал Русанов.

– Хм... интересно! – хмыкнул Тавров. – А почему вы не обыскали квартиру Русанова?

– Прокурор счел проведение обыска нецелесообразным, поскольку в розыск мы его подали лишь по причине совпадения двух событий: пропажи рукописи и исчезновения Русанова, – пустился в объяснения Стрельцов. – К тому же, если он действительно похитил рукопись и пустился в бег, то вряд ли оставил ее дома. Кроме того, мать Русанова слаба здоровьем, а официальный обыск ее, несомненно, глубоко потряс бы... Вдруг померла бы старушка? И вообще, в этом деле нам настоятельно посоветовали тщательно избегать преждевременной огласки.

– Я понял, – вздохнул Тавров.

Наступила пауза, и я немедленно ею воспользовался, поинтересовавшись:

– На входе я видел камеры наблюдения. Неужели мимо них так легко пронести уникальную книгу?

– Тут дело вот в чем, Ме... э-э... господин Булгарин. Доступ в помещение, где хранилась книга, имеет только господин Кавецкий. Ключи хранятся у него. Экспертиза замков показала, что следов, характерных для вскрытия замков отмычками или дубликатами ключа, не имеется. Отсюда под подозрение попали Русанов и Кавецкий: ведь Русанов вполне мог извлечь книгу и спрятать в сумку с фотоаппаратурой, когда остался один в помещении хранилища. На выходе его сумку охранник не проверил: это зафиксировано камерой видеонаблюдения.

– А господин Кавецкий? – возразил я. – Ведь его наверняка охрана не досматривает.

– Дело в том, – вежливо улыбнулся Стрельцов, – что летом господин Кавецкий приходил на работу без сумки или портфеля, одетый в безрукавку и летние брюки. И это зафиксировано видеозаписями. Спрятать в одежде рукопись он никак не мог, даже если бы удалил толстый кожаный переплет.

– Боже мой, боже мой! – разрыдался вдруг Кавецкий, обхватив голову руками. – Сорок лет беспорочной службы коту под хвост! Надо же мне такое на старости лет! Теперь меня отправят на пенсию, да... на пенсию. И поделом! Ничего подобного еще не случилось!

Стрельцов налил в стакан воды и, отпаивая всхлипывающего Кавецкого, принялся его утешать:

– Да будет вам, Вениамин Аркадьевич! Как будто раньше из библиотек ничего не воровали. Если помните, из питерской Российской национальной библиотеки однажды вынесли альбом «Птицы Америки» размером с хороший письменный стол!

– У нас в отделе никогда ничего подобного не было! – выкрикнул Кавецкий, расплескивая воду из стакана. – Как бы то ни было, моя репутация погублена, меня выгонят... Как жить мне теперь? Как?!

* * *

Когда мы вышли из Дома Пашкова и направились к станции метро «Боровицкая», Тавров сказал:

– Во всей этой истории есть один странный момент. Пока тетка Цветкова была жива-здоровая, шкатулку с рукописью было украсть легче легкого. Но похоже на то, что неизвестный покупатель узнал о рукописи только тогда, когда ее обнаружил Цветков. Но Цветков заверил, что никому не говорил о своей находке. Не стыкуется!

– Предлагаете потрясти Цветкова? – спросил я.

– Потрясти? Если он действительно бывший разведчик ГРУ, то с ним наезды не пройдут, – покачал Тавров. – Если он что-то забыл, то сам вспомнит. Не думаю, чтобы такой человек мог проболтаться случайным знакомым или соседям. Надо бы проверить его близких родственников, друзей... Но этим пусть Стрельцов занимается! А вот нам хорошо бы провести обыск квартиры Русанова.

– Евгения Павловна действительно не отличается крепким здоровьем, и обыск может ее довести до инфаркта, в этом плане Стрельцов абсолютно прав! – возразил я.

– Почему же? – не согласился Тавров. – А если я проведу обыск как частный детектив, нанятый вами по личной просьбе Русановой? По-моему, тут все нормально. Возьмем с собой Стрельцова, но не будем говорить Русановой, что он следователь: скажем, что он мой помощник. Годится?

А что? Все логично, вряд ли Евгения Павловна при таком раскладе обеспокоится.

– Если у вас нет возражений, то предлагаю ненавязчиво, с согласия хозяйки, обыскать квартиру Русановых завтра, – предложил Тавров.

– Какие могут быть возражения? – пожал плечами я. – Вполне возможно, что нам удастся найти что-нибудь, проливающее свет на исчезновение Игоря Русанова.

– И рукопись «Хроники Драгута», – дополнил Тавров.

– Да плевать мне на эту рукопись! – вскипел я. – Не верю я, что ее Игорь украл. Человек исчез – вот что главное!

* * *

Вечером я позвонил Евгении Павловне и сказал:

– Евгения Павловна! Если вы не возражаете, то завтра я приду к вам с частным детективом и его помощником: мы хотим посмотреть вещи Игоря – вдруг найдем что-нибудь интересное. Вы не возражаете?

– Какие могут быть возражения, Слава?! Конечно, приходите!

Часам к двенадцати дня я, Тавров и Стрельцов уже были в квартире Русановых. Евгения Павловна угостила нас чаем с вкуснейшими пирожками. Стрельцов не растерялся и во время чаепития незаметно перекочевал в комнату Игоря. Когда мы с Тавровым тоже перешли туда, Стрельцов сидел на стуле посреди комнаты и разочарованно озирает обстановку.

– Сережа, надо найти фотооборудование, которое использовал Русанов для съемки рукописи, – напомнил Тавров.

– Уже нашел, – с безразличным видом отозвался Стрельцов. – Вон, возле книжного шкафа та самая сумка: я ее хорошо запомнил по записи с камер наблюдения РГБ. Фотоаппарат – обычный цифровик «Фуджитсу», но неплохой объектив... Главное: карта памяти в фотоаппарате отсутствует.

– Вот как? – процедил Тавров, оглядывая комнату. Его взгляд остановился на настольном компьютере.

– Смотрел, что там?

– А как же! Система не грузится, – сообщил Стрельцов.

– Как так?! – изумился Тавров. – А почему?

– Очень просто: жесткого диска нет, – объяснил Стрельцов.

– Вы уже и внутрь успели слазить? – удивился я.

– Долго ли умеючи... – проворчал Стрельцов. – Короче: мне здесь делать нечего. Валерий Иванович, раздобудьте для меня семейный альбом Русановых, и если там будут достаточно свежие фотографии родственников и знакомых Русанова, то изымите эти фотографии, сделайте на обороте отметки: «кто, где, когда». Хорошо?

– Сделаем, – односложно пообещал Тавров и спросил: – Как думаешь: кто-то успел побывать в квартире или сам Русанов следы заметал?

– Скорее всего, сам, – ответил Стрельцов. – Хозяйка категорически утверждает, что она все время находится дома, поэтому никто незаметно в квартиру проникнуть не мог. Так что карту памяти из фотоаппарата и жесткий диск из компьютера изъял сам Русанов: больше некому.

– Зачем ему надо курочить свой собственный компьютер? – с досадой поинтересовался я.

– Он не хотел, чтобы имевшаяся там информация могла быть доступна кому-нибудь другому даже теоретически, – пояснил Стрельцов. – Он наверняка знал, что даже стертую информацию можно восстановить, потому и забрал с собой носители... для гарантии, так сказать.

– Как вы, однако, быстро Игоря в преступники зачислили! – возмутился я. – Я так понимаю: вы надеетесь, что его уже в живых нет и потому на покойника можно спокойно кражу повесить, чтобы дело закрыть! Нет?

Тавров, укоризненно качнув головой, прижал указательный палец к губам, и тут же в дверях появилась Евгения Павловна.

– Кто это здесь покойников поминает? – с улыбкой осведомилась она.

– Так, общего знакомого вспомнили, – торопливо сообщил Стрельцов, искоса взглянув на меня, и, опасаясь развития темы, тут же спросил:

– Евгения Павловна, у вас еще остались ваши замечательные пирожки?

* * *

Бред какой-то! Игорь Русанов курочит свой личный компьютер, чтобы никто не узнал, что у него там на диске! Я так и заявил Таврову, когда мы покинули квартиру Русановых.

– Зачем ему это надо?! – горячился я. – Чтобы в случае расследования заронить лишние подозрения? Куда логичнее потратить полдня на то, чтобы отформатировать жесткий диск и установить на него систему по-новому: уверяю вас, после этого никакая репэйр-программа не сможет восстановить удаленные данные с диска!

– Но Русанова уверяет, что она все время находилась дома, – возразил Тавров.

– А продукты ей из магазина добрые феи приносят или она питается энергией электромагнитных волн? – саркастически поинтересовался я. – Да даже простой поход в магазин за хлебом означает ее отсутствие в квартире как минимум на полчаса: вполне достаточно, чтобы проникнуть в квартиру, вынуть жесткий диск из компьютера и карту памяти из лежащего на виду фотоаппарата, а затем не торопясь уйти.

– Такую возможность нельзя исключать, – вынужден был согласиться Тавров. Услышав его слова, я воодушевился и продолжил:

– Хорошо, предположим, что Игорь украл книгу, сумел переправить ее за границу и отправился на встречу с покупателем. Зачем ему вынимать жесткий диск из компьютера и карту памяти из фотоаппарата? Ведь Кавецкий всегда подтвердит, что Игорь фотографировал книгу, да и видеозапись однозначно доказывает, что он приходил в библиотеку с фотоаппаратурой. Объяснение одно: Игорь нашел в тексте «Хроники Драгута» нечто такое, что заставило его немедленно отправиться на Мальту. Но кто-то не хочет, чтобы это узнал кто-нибудь еще, а потому делает следующее: крадет рукопись, похищает Игоря и тайно изымает хранящиеся на карте памяти фотоаппарата и жестком диске компьютера снимки рукописи.

– Такая версия имеет право на существование, – снова согласился со мной Тавров. – Но подтвердить вашу версию может только одно: обнаружение либо самой рукописи, либо ее фотокопий. Тогда мы могли бы обратиться к экспертам. А пока... Как вам это ни неприятно, но Игорь Русанов на данный момент является единственным подозреваемым в деле о краже рукописи «Хроники Драгута». Вот так!

Увы! Я был вынужден согласиться с аргументами старого зануды. Хотя нам и твердят про священный принцип «презумпции невиновности», но на практике подозреваемому часто приходится доказывать свою невиновность. Подозреваемый всегда подозрителен – точно так же, как у котов всегда вороватый вид.

В древнегреческих трагедиях попавшему в безвыходную ситуацию человеку всегда приходил на помощь кто-нибудь из богов, что увековечено в выражении *deus ex machina* – «бог из машины»: при помощи машины – как тогда называли систему механических приспособлений для подъема грузов – на сцену спускали огромную марионетку, изображавшую Зевса, Аполлона или какого-либо другого всесильного существа, которое и решало казавшуюся непреодолимой проблему. Однако мы живем в другое время и являемся участниками совсем других трагедий. Впрочем...

У Таврова зазвонил мобильник. Он достал телефон, взглянул на имя вызывающего абонента и поспешно ответил:

– Слушаю вас, Вениамин Аркадьевич! Что? Не может быть! Вы только ничего не трогайте, мы с Булгариным сейчас приедем!

Тавров сунул телефон в карман и возбужденно сообщил мне:

– Вы не поверите! Произошло невероятное: Кавецкий нашел фотокопии рукописи «Хроники Драгута»!

Глава 4

Вот вам и «бог из машины»! Невероятно!

Мы с Тавровым, не теряя времени, понеслись к Кавецкому в Дом Пашкова. Кавецкий встретил нас на входе в неописуемом возбуждении.

– Идемте! Идемте скорее! – прокричал он, увлекая нас за собой. Кавецкий, видимо, уже решил проблему с пропусками, потому что охранник не сказал нам ни слова, а лишь с любопытством посмотрел нам вслед.

Ворвавшись в свой кабинет, Кавецкий бросился к компьютеру и возбужденно сообщил:

– Когда Игорь последний раз был здесь, он попросил разрешения воспользоваться моим компьютером, чтобы проверить качество фотографий. Я, разумеется, разрешил. Но, похоже, он еще и почту свою проверял. Смотрите! Сегодня я совершенно случайно зашел на mail.ru – я всегда Яндексом пользуюсь. И смотрю: в окошке имя такое же, каким пользуется Игорь, только в Яндексе. А самое главное – полюбуйтесь! В строке пароля звездочки. И я понял, что можно войти в почтовый ящик Игоря.

– Он, наверное, торопился и не нажал кнопку «выход», а просто закрыл окно, – догадался я. – Кстати, на почте Яндекса такое не случается: если закрываешь окно, то и пароль при последующем открытии в окошке не появляется. Вы уже посмотрели содержимое почтового ящика?

– Я не имею привычки интересоваться чужой почтой, – принялся оправдываться Кавецкий. – Но в сложившихся обстоятельствах...

– Никто вас ни в чем не обвиняет, – перебил его Тавров. – Лучше продемонстрируйте нам свое открытие.

Кавецкий послушно кликнул мышкой на кнопке «войти», и почтовый ящик открыл свое содержимое. Там было всего одно письмо с заархивированным вложением. Что интересно: адрес отправителя был такой же, только с Яндекса: igorusan@yandex.ru. Значит, Игорь использовал два почтовых ящика с одинаковым именем перед «собакой». Интересно, а пароли разные?

– Сохраните вложение на жесткий диск, а потом разархивируйте, – почти приказным тоном обратился Тавров к Кавецкому, но тот даже не попробовал возмутиться, а лишь спросил:

– А куда сохранить?

– Куда хотите, только потом найдите, – нетерпеливо ответил Тавров. – Винrar у вас есть? А то архив таровский.

– Разумеется, есть! А то как бы я увидел, что это за фотографии? – удивился Кавецкий.

Архив распаковался. В нем была всего одна папка с названием «chron», а в ней находились фотографии в формате jpeg. Кавецкий кликнул мышкой на первой фотографии, и на экране монитора появилось изображение манускрипта в старом кожаном переплете.

– Вот она, «Хроника Драгута», – благоговейно проговорил Кавецкий. – Хоть фотографии удалось сохранить для науки!

Он принялся колесиком мышки прощелкивать фотографии. На экране монитора одна за другой появлялись четкие фотографии страниц манускрипта. Текст был выписан аккуратно, почти печатными латинскими буквами и без того уклона в готику, которая для непривычного человека делает текст абсолютно нечитаемым. По объему рукопись была небольшая: не более сотни страниц без иллюстраций. Последняя страница заполнена почерком, отличавшимся от остального текста: видимо, это была более поздняя вставка.

Меня просто трясло от нетерпения узнать, что же написано в манускрипте: я был уверен, что там мы непременно найдем разгадку тайны исчезновения Игоря Русанова.

– Отлично! – жизнерадостно воскликнул я. – Дайте-ка я переправлю письмо с вложением на свой почтовый ящик.

Кавецкому почему-то мое предложение не понравилось. Он надулся, словно ребенок, у которого попытались отобрать любимую конфету.

– Репродукция и распространение рукописи без согласия владельца противозаконны! – заявил он.

Я не смог сдержать иронической усмешки, заметив:

– Ведь это вы позволили Русанову в нарушение всех правил переснять манускрипт, не так ли?

Кавецкий сразу сник. Я продолжил давить его:

– А если в тексте находится объяснение того, почему Русанов так внезапно отправился на Мальту, то ваши слова можно расценить как создание препятствий поиску пропавшего человека. А за это положена уголовная ответственность! Так ведь, Валерий Иванович?

Я не был уверен, что за это Кавецкого можно было посадить хотя бы на пятнадцать суток, но Тавров меня полностью поддержал. Придав своей и без того мрачной физиономии вид, метко обозначаемый в народе выражением «сделать морду кирпичом», Тавров сурово произнес:

– Вот именно! И благодарите бога, что это объясняем вам мы, а не следовательно!

– Да-да... копируйте, разумеется, – убитым голосом произнес Кавецкий.

Я отодвинул его локтем от монитора и переслал письмо Игоря вместе с вложением на свой почтовый ящик. Убедившись, что послание получено, я удовлетворенно сказал Кавецкому голосом голливудского персонажа:

– Благодарю за содействие!

Кавецкий только обреченно вздохнул.

* * *

Текст я получил, но теперь возник другой вопрос: как прочитать текст на латыни. Изучать язык Цицерона и Вергилия у меня не было ни времени, ни желания.

– Как у вас с латынью, Валерий Иванович? – спросил я старого сыщика, когда мы направлялись к станции метро «Боровицкая». К моему изумлению, Тавров жизнерадостно отозвался:

– С латынью у меня отлично! Думаю, уже дня через три мы будем иметь перевод рукописи.

– Как?! – поразился я. – Вы знаете латынь? Я имею в виду: знаете именно свободно, а не на уровне юридических терминов вроде «Cui prodest» и «Quo vadis»?

– Quo vadis не юридический термин, – сухо заметил Тавров. – Это название романа Сенкевича. С этими словами апостол Петр обратился к Иисусу. Помните такую легенду?

Я легенду, разумеется, помнил. Вот оно, старое поколение сыщиков! Готов биться об заклад, что семеро из десяти современных сыскарей без колебаний скажут, что Quo Vadis – это сорт коньяка многолетней выдержки, а остальные трое так же уверенно заявят, что это марка элитного виски.

– Помню, разумеется, – ответил я и поспешил уточнить: – Я имею в виду, что вряд ли ваши знания латыни позволят вам перевести средневековую хронику. Как и мои, разумеется!

– Вряд ли я там пойму хоть слово, – признался Тавров. – Но я знаю человека, который с легкостью выполнит эту работу.

– У вас есть знакомый специалист по мертвым языкам? – с тенью недоверия поинтересовался я.

– Если профессора кафедры древних языков истфака МГУ можно считать таковым, то есть, – невозмутимо поведал Тавров. – Но самое главное, что в свое время он консультировал

наше ведомство в качестве эксперта и даже написал работу по графологии. Я думаю, что он сумеет в тексте увидеть больше, чем простой знаток латыни. Нет?

Кто бы спорил!

* * *

Тавров быстро дозвонился до профессора, и тот любезно согласился пообщаться с нами у себя дома.

– Зовут профессора Знаменский Павел Николаевич, и не вздумайте отпускать шуточки по этому поводу, – предупредил меня Тавров, когда мы ехали на квартиру профессора в Сокольники.

– Какие шуточки? – удивился я.

– Сериал «Следствие ведут знатоки» помните? Был там такой персонаж, майор Знаменский Павел Павлович, – напомнил Тавров. – Профессора еще тридцать лет назад достали шуточки вроде: «А давно ли вы видели Томина и Кибрит?». Именно это я и имел в виду.

– Совсем не собирался, – заверил я.

– Ну и хорошо, – согласился Тавров. – И не вздумайте его случайно назвать «Пал Палыч» – Знаменский терпеть не может этот сериал и приходит в ярость от малейших ассоциаций с его персонажами.

Основательно запуганный Тавровым, я пообещал вести себя тихо и немногословно. Профессор жил недалеко от станции метро «Сокольники», в старом доме по Песочному переулку. Тавров уверенно нашел нужный подъезд и набрал номер квартиры профессора на клавиатуре домофона.

– Кого черт принес? Какого...?! – гаркнул хриплый голос из динамика.

Тавров озадаченно взглянул на меня, я ответил ему тем же. Одно можно было утверждать уверенно: это не профессор мертвых языков. Возможно, что и профессор, но очень живого языка: такого изошренного матерка я не слышал давно.

– Не узнаешь, что ли? – хитрым ментовским приемом продолжил беседу с невидимым собеседником Тавров. Метод сработал: на том конце провода слова Таврова вызвали живейший отклик.

– Колян? Ты, что ли?! От... твою мать... Где ты... Какого... Бутылку купил или опять...

Цветастые выражения «живого великорусского языка» я, разумеется, опустил, да они и не важны: важно, что заждавшийся безвестного Коляна наш невидимый собеседник нажал на кнопку открытия замка, и мы благополучно проникли в подъезд.

– Не помню точно номер квартиры, – объяснил Тавров. – Помню, что четвертый этаж и квартира слева.

– Надо было бутылку захватить, – заметил я.

– Это еще зачем? – с подозрением посмотрел на меня Тавров.

– Вдруг опять ошибемся? А человек, как выяснилось, бутылку ждет, – пояснил я. Тавров бросил на меня неодобрительный взгляд и насупился.

Ох, не любит критики старшее поколение!

* * *

Знаменский Павел Николаевич оказался не таким уж суровым, как его описал Тавров. Он угостил нас отличным кофе, выслушал суть дела, мельком взглянул на фотографии рукописи и пообещал подготовить перевод текста в течение недели.

* * *

Знаменский выполнил работу за четыре дня. Эти дни я занимался текущими делами, которых накопилось достаточно из-за суеты с исчезновением Русанова и связанными с этим печальным фактом событиями.

– Я отправил на ваш почтовый ящик перевод основного текста рукописи одним файлом, а другим файлом текст, дописанный позже измененным почерком, – сообщил Знаменский.

– Большое спасибо, Павел Николаевич! – поблагодарил я. – Не ожидал, что вы так быстро справитесь с работой!

– Мне было интересно, – коротко отозвался Знаменский. – Уже сама по себе история братьев Барбаросса и Драгута весьма занимательна. Кроме того, по ряду особенностей могу, как эксперт, утверждать, что текст писал человек образованный, склонный к научной деятельности, но не монах и не ученый-теолог. Более того, судя по всему, автор манускрипта действительно являлся современником братьев Барбаросса и Драгута и, скорее всего, либо принимал участие в описываемых событиях, либо получал сведения о них из первых рук.

– А что вы можете сказать о втором? – спросил я.

– О каком втором? – с удивлением отозвался Знаменский.

– Ну как же! Вы сказали, что основной текст писал один человек, а позднейшую вставку – другой, – напомнил я.

– Я этого не говорил! – возразил Знаменский. – Я сказал, что позднейшая вставка сделана измененным почерком. Писал тот же самый автор основного текста, но почему-то левой рукой. Это я утверждаю как эксперт-графолог.

* * *

Вот это да! Интересно, зачем человек делал вставку текста левой рукой в свою собственную рукопись? Тоже загадка.

– Теперь о файле с переводом основного текста, – прервал мои размышления Знаменский. – Файл в формате «doc» Word-2003. В круглых скобках я счел необходимым дать свои справочные комментарии к тексту. Косыми скобками выделены комментарии на полях соответствующих страниц. Кстати, автор комментариев тот же, что и автор текста. Вот, пожалуй, и все. Если будут вопросы, звоните.

Я еще раз горячо поблагодарил Знаменского, попрощался и дал отбой. Перед тем как приступить к чтению перевода, я решил не торопясь просмотреть фотокопии оригинала. Проглядывая одну за другой фотографии страниц рукописи, я обратил внимание на то, что на довольно широких полях рукописи не было видно никаких комментариев, о которых говорил Знаменский. Несколько озадаченный, я тут же позвонил Знаменскому. Но телефон эксперта оказался занят, и я решил позвонить Кавецкому. Тот ответил сразу.

– Здравствуйте, Вениамин Аркадьевич! Это Булгарин. Я вот что хотел спросить: на полях «Хроник Драгута» должны быть комментарии, но на фотокопиях я их не вижу. Как это может быть?

– Какие комментарии на полях?! – изумился Кавецкий. – Уверяю вас: я просмотрел рукопись от корки до корки, но никаких комментариев на полях не видел!

– Извините, значит, я что-то не так понял, – обескураженно отозвался я и принялся дозваниваться до Знаменского. Когда он наконец ответил, я сказал:

– Павел Николаевич! Вы тут упомянули какие-то комментарии на полях рукописи, но я на фотокопиях их не обнаружил.

– А вы увеличьте в просмотрщике эти самые поля! Где-то примерно с середины рукописи, – посоветовал Знаменский.

Я так и сделал и действительно обнаружил едва видимые строчки текста на полях указанных страниц.

– Да, но тут почти ничего не видно! – воскликнул я. – Как же вы умудрились прочитать комментарии?

– У меня есть специальная программа, – пояснил Знаменский. – Видите ли, скорее всего, автор не хотел, чтобы посторонние читали эти комментарии, потому использовал для их написания симпатические чернила. Невооруженному взгляду они не заметны, но на фотокопиях, освещенные при съемке под определенным углом, они стали видны. Примерно так же происходит с инфракрасным пультом дистанционного управления бытовой техникой: обычным взглядом излучение не видно, но если вы посмотрите на излучатель через объектив, скажем, цифрового фотоаппарата, то сразу увидите яркое световое пятно. Так, видимо, получилось и со скрытым текстом.

Я хотел спросить, что же там автор зашифровал такого важного, но решил, что вопрос излишен: ведь Знаменский прислал мне файл с комментариями. Поэтому я поблагодарил эксперта за разъяснения и приступил к чтению сделанного им перевода «Хроники Драгута».

* * *

Автор манускрипта явно не собирался создавать восторженную апологетику или назидательную книгу для потомства. Похоже, это были некие черновые записи для будущего капитального труда, поскольку автор не утруждал себя какими-либо предысториями, а сразу приступил к изложению истории братьев Барбаросса и их соратника Драгута. Начиналась хроника словами: «В 840 году хиджры, 1462 году по христианскому летосчислению султан Мухаммед Второй (Мехмед Второй. – *Здесь и далее примечания Знаменского.*) отнял у знатного генуэзского рода Гателузо остров Лесбос, называемый ныне турками по главному городу острова Митилена, или Улудаг. Род Гателузо получил этот остров во владение в качестве приданого дочери римского (византийского) императора Иоанна Палеолога Марии, вышедшей замуж за Франческо Гателузо. Вскоре после захвата турками Лесбоса на острове, в городе Бонаве, поселился вышедший в отставку румелийский спаг Якуб Ениджевардар (спаги – *франц.*, сипах – *турецк.*: воин из тяжеловооруженной турецкой конницы; в общем случае – название военных ленников тимариотов и займов, получавших от султана земельные пожалования тимары и зеаметы, обязанных нести за это военную службу в конном феодальном ополчении, выступая в поход с определенным числом содержащихся за их счет воинов. Ениджевардар – это имя по месту происхождения, то есть выходец из города Ениджевардар в Румелии (ныне греческая Македония). Якуб женился на вдове местного православного священника Екатерине и от этого брака сперва имел двух дочерей, получивших христианское воспитание. Поселившись на острове, он приобрел барку и занялся торговлей в Архипелаге».

Короче, верный воин султана получил заслуженное вознаграждение. Однако автор тут же счел необходимым привести другую версию: Якуб на самом деле занимал должность во флоте султана Баязета Второго и, совершив проступок, бежал на удаленный остров для избежания наказания. Хотя самому автору это не представлялось правдой: Баязет Второй взшел на престол в 1481 году, когда у Якуба уже родились не только дочери, но и сыновья, то есть он уже более десяти лет проживал на Лесбосе. Скорее всего, Якуб получил на острове земельный участок, поскольку принимал участие в его штурме турками. Однако автор вскользь упомянул и такую версию, которая была популярна в среде турецких царедворцев: на самом деле Якуб был христианином, потому и женат был на христианке. И дети его соответственно были христианами, потому и дочь Якуба стала монахиней православного монастыря.

Лично мне последняя версия показалась самой убедительной: турецким корсарам братьям Барбаросса было гораздо престижнее выглядеть потомками мусульманина, турецкого служивого человека, чем ренегатами, сыновьями православного христианина.

С торговлей у Якуба, видимо, не задалось, поскольку после его смерти сыновьям не досталось никакого наследства и им пришлось самим устроиваться в жизни. Поскольку мусульманам на территории Османской империи жилось гораздо комфортнее, чем христианам, практичный старший сын Ильи (Ильяс) принялся изучать Коран, чтобы в итоге стать марабутом (от арабского «мурабит», то есть живущий в монастыре, «рибате», монах-мусульманин, в более широком смысле – мусульманский святой или глава религиозного братства). Исаак (Исхак) стал плотником, Арудж (Орудж) отправился в Константинополь, чтобы стать матросом, а Хайрадин (Хызыр) занялся гончарным делом. Но так получилось, что именно Арудж определил будущее семьи.

В Константинополе Арудж, уже принявший ислам, устроился надзирателем за гребцами на турецкой галере. Он уговорил своего брата Илью, изрядно охладевшего к учебе и монашеству, тоже отправиться в море. Но братьям вскоре сильно не повезло. «Их галера наткнулась на эскадру кораблей рыцарей-госпитальеров (полное нынешнее название – Иерусалимский, Родосский и Мальтийский державный военный орден госпитальеров Св. Иоанна), в те времена еще владевших островом Родос и потому повсеместно именовавшихся Родосскими рыцарями. В сражении Илья был убит, а Арудж попал в плен и два года провел прикованным к скамье гребцов на рыцарской галере. Из опасения, что рыцари примут его за ренегата (принявшего ислам христианина), рыжебородый Арудж все это время изображал немое, дабы не называть своего имени. Поэтому христиане по цвету его бороды дали Аруджу прозвище Барбаросса, которое закрепилось за ним на всю жизнь.

Однако добросовестный автор тут же приводит и другую версию, которую выдвинул Арудж. «Арудж три года просидел в качестве пленника в Бодрумском замке на острове Зафйрон. Очевидно, рыцари знали, что еще до своего пленения Арудж был тесно связан с принцем Шехзаде Коркудом, одним из сыновей турецкого султана Баязета Второго (1481–1512), и именно этот принц выкупил его из родосского плена». Понятно, почему Арудж так упорно пропагандировал именно эту версию: не имеющему связей ренегату было весьма выгодно распускать слухи о личной дружбе с сыном султана.

Похоже, что автор сам не верил в мифическую «дружбу Аруджа с принцем Коркудом», поскольку тут же переходит к подробному описанию бегства Аруджа из галерного рабства. «Спустя два года Аруджу представился случай бежать во время плавания из Родоса в Саталью. В то время Саталья принадлежала туркам, и родосская галера везла сорок знатных мусульман, выкупленных из христианского плена губернатором Карамании Хайр-Ханом. Когда перед наступлением ночи галера встала на якорь у острова Кастелло-Россо, внезапно налетел шторм. Экипаж предпринимал лихорадочные усилия для того, чтобы галеру не выбросило на прибрежные скалы, и в этой сумятице Аруджу удалось освободиться от цепей и бежать, бросившись в штормовое море. Два часа он боролся с волнами, пока, окончательно обессиливший, не добрался до берега. Там его подобрала христианские землепашцы и из сострадания укрыли в своей хижине. Никто не искал Аруджа, галера, едва исправив повреждения, нанесенные штормом, ушла в море. Немного оправившись, Арудж вместе с местными рыбаками отправился в Саталью. Прибыв туда, Арудж явился к Хайр-Хану и своим рассказом сумел убедить правителя, что перед ним храбрый человек и опытный мореход».

Да, однако старший Барбаросса умел подать товар лицом и обладал несомненным даром убеждения! Губернатор доверил Аруджу небольшое судно для крейсирования в районе Родоса. Дело осталось за малым: захватить христианский корабль и привезти губернатору богатую добычу. Но с этой частью четкого жизненного плана у Аруджа не заладилось. «В первой же поездке, когда судно Аруджа встало на якорь, чтобы пополнить запасы пресной воды, внезапно

появившиеся родосские галеры захватили судно и остававшийся на борту экипаж. Те, кто находился на берегу, рассеялись, и Арудж в печальном одиночестве возвратился в Саталью, откуда был с позором изгнан разгневанным Хайр-Ханом».

Ну стыд не дым, глаза не выест – главное, голову удалось унести на плечах.

Арудж был вынужден снова вернуться в Константинополь, где он, дабы не умереть с голоду, устроился носильщиком. Понятное дело, трудно было найти такого второго благодарного слушателя, как Хайр-Хан! Но Арудж Барбаросса, похоже, был из тех людей, которых неудачи закаляют и подвигают на новые авантюры. «Вскоре ему удалось устроиться кормщиком на бригантине, снаряженной двумя местными купцами для морских разбоев. Большая доля добычи должна была поступать хозяевам судна. Аруджу без труда удалось, едва судно покинуло гавань Золотой Рог, разжечь алчность в членах экипажа. Пообещав им делить всю добычу поровну, он заручился поддержкой экипажа, убил капитана и занял его место».

Вот так! Разумеется, после такого преступления Аруджа в Турции ждала неминуемая смерть, поэтому он отправился к берегам Африки. Однако при этом Арудж питал добрые чувства к близким. «По дороге Арудж навестил свой родной город, чтобы передать деньги живущей в крайней бедности матери. Увидев щедро отсыпанные Аруджем золотые монеты, его братья Исаак и Хайрадин воспылали алчностью. Они с готовностью бросили свои малоодоходные ремесла плотника и горшечника ради рискованной судьбы морского разбойника». Как это знакомо! В стране победившей «диктатуры пролетариата» инженеры и научные сотрудники часто меняли стояние у кульманов и написание диссертаций на более высокооплачиваемый труд у станка. Ну а те, кто был пооборотистей, добивались реального успеха в жизни: становились официантами, мясниками, проводниками в международных вагонах или грузчиками в аэропорту Шереметьево. А вот в далекие времена было модно идти в пираты!

Тем не менее автор хроники считал необходимым привести слова свидетелей, утверждавших: «Хайр-ад-Дин заявлял, что пошел в море лишь для того, чтобы отомстить христианам за смерть одного его брата и мучения другого».

Но самое интересное было изложено в тех самых заметках на полях манускрипта, сделанных невидимыми чернилами, которые стали видимы на фотокопиях. Именно из выполненного Знаменским перевода этих едва различимых строчек я впервые узнал о мистическом артефакте. Должен сказать, что тогда я легкомысленно воспринял упоминание артефакта всего лишь как занимательную историю из популярной серии канала ТВ-3 «Тайные знаки». Однако в будущем этот кусок железа доставил нам немало хлопот!

Глава 5

Как я уже говорил, Знаменский выделил этот перевод косыми скобками. Вот первый из фрагментов.

/Со слов Драгута, которому эту тайну открыл лично Хайрадин Барбаросса, братьев Аруджа вдохновил заняться опасным воинским ремеслом ятаган, переданный Аруджу одним марабутом в Константинополе. Марабут, сам родом из альпухерийских мавров, заявил бедному носильщику, что сделает его богатым, удачливым и известным, если силу волшебного ятагана он использует для возвращения мавров в Испанию. На клинке ятагана обычно ставили клеймо мастера и клеймо с именем владельца, для которого был изготовлен клинок. Арудж с удивлением увидел на клинке свое имя и после этого уже выслушал марабута куда внимательнее. Марабут рассказал об условиях владения ятаганом, которых всего было три. Первое условие уточняло, что ятаган дает силу и удачу во всех начинаниях лишь тому, кто способен стать великим воином. Второе условие гласило: ятаган будет помогать своему владельцу до тех пор, пока тот не лишится магического клинка любым способом, при этом не важно, продаст ли он ятаган, потеряет или клинок будет украден. Второе условие также было недвусмысленно: ятаган перестанет помогать владельцу, если от него погибнет хоть один правоверный. В последнем случае с лезвия ятагана исчезнет клеймо владельца и он из могущественного магического предмета превратится в обычный клинок, пока не найдет нового владельца. И наконец, если от ятагана погибнут три правоверных, то с клинка исчезнет текст мусульманского символа веры – шахада, и клинок навсегда утратит свои магические свойства/.

Пожалуй, волшебный ятаган действительно произвел впечатление на братьев Аруджа: в те времена люди искренне верили как в мистику, так и словам старшего брата! Посетовав по поводу нынешнего огрубления и рационализации нравов, я вернулся к тексту манускрипта.

Итак, братья пустились искать приключений на море. Арудж сделал исполнительного Исаака своим лейтенантом, а энергичному Хайрадину обещал отдать под его командование первый же захваченный корабль. И слово свое сдержал очень быстро. «Едва выйдя в море, бригантина Аруджа встретила возле Негропонта (остров Эвбея в Эгейском море) турецкий галеон. Ошеломленный внезапным и смелым нападением, растерявшийся турецкий капитан сдал галеон без боя».

Похоже, что ятаган помог своему владельцу, лишив его врага воли к сопротивлению!

«Хайрадин поднял на галеоне свой флаг, и братья отправились к Сицилии, где после кровопролитной атаки овладели большим кораблем, перевозившим в Неаполь триста испанцев, между которыми находилось шестьдесят дворян». Однако на этом удача не покинула авантюриста, наконец преодолевшего черную полосу в жизни.

Вскоре султан Мулей-Ахмед принял на службу братьев Барбаросса и отдал им в пользование лучшие свои корабли. Не обошел он их и мелкими радостями: повелел выдать каждому из людей Аруджа по красному плащу и 2000 золотых на всех.

Дружба с султаном длилась недолго: он стал требовать большей доли добычи, и Арудж, послав куда подальше не в меру корыстолюбивого тунисского султана, заключил союз с независимыми корсарами, базировавшимися на острове Желва (Джерба, близ побережья Туниса). Теперь надежнейшим гарантом его безопасности являлась его корсарская слава. И он сделал все, чтобы ее приумножить, но главное, фортуна от него не отвернулась. Арудж в одном бою благодаря как стремительности, так и хитрости захватил две папские галеры, после чего стал гордостью мусульман и лютым врагом христиан.

Похоже, и на сей раз магические чары ятагана превратили врагов Барбароссы в беспечных, доверчивых существ.

Разумеется, после этого потерявший терпение арагонский король Фердинанд Второй начал беспощадное преследование братьев Барбаросса: флот Фердинанда блокировал порты Магриба (средиземноморское побережье Северной Африки), десанты наводящей ужас на мусульман безжалостной испанской пехоты захватили города Оран, Бужию (Беджайю) и стратегически важную крепость Пиньон (Ле-Пеньон) на входе в порт Алжир. Жестокая резня вынудила самых непокорных арабских правителей признать испанский протекторат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.